

КУЗЬМА СЕМЕНОВИЧ КУДРОВ

В 1926 г. это был дряхлый старик–бобыль 83 лет из д. Сибово Великогубского сельсовета, Заонежского района, грамотный и бывалый.

В течение своей жизни он неоднократно ездил по промыслу к морю, бывал и в Петрозаводске и Петербурге. Много читал, причем особенно любил «исторические рассказы». Это отразилось и на его репертуаре. Кроме записанной И. В. Карнауховой и мною сказки о Петре Великом и солдате (Сказки и предания Северного края, 1934, стр. 115–119), К. С. Кудров пробовал рассказывать нам ряд исторических анекдотов, библейское предание о Самсоне и его борьбе с филистимлянами, легенду о Плакиде–воине.

В разговоре упоминал про Тараса Бульбу и Степана Разина. К сожалению, рассказы его были настолько путаны и сбивчивы, что записать, кроме упомянутой сказки о Петре и двух печатаемых в настоящем сборнике былин, ничего более не удалось.

Былинам Кузьма Семенович научился от «старых стариков с Киж». Из известных мастеров эпического творчества хорошо знал Ивана Трофимовича Рябинина.

Раньше былинное знание К. С. Кудрова было более обширно, но в старости все «из памяти вышло». По его словам, главные сказители были в Кижках. Здесь же, в Великой Губе, «не было людей опытных, некому сказывать. Здесь место темное, как Литва».

Былину «Два брата, два ливака» пел с большим увлечением и темпераментом. Но в противоположность рассказыванию сказки, когда он вскакивал, иллюстрировал жестами и позой изображаемое, при исполнении былины он сидел спокойно, смотрел сосредоточенно в сторону и лишь порой делал жест правой рукой сверху вниз, как бы подчеркивая ритм напева; изредка давал комментарий. Со стороны исполнения интересен момент

314

повторения некоторых концов стихов или даже отдельных стихов с некоторым повышением голоса, что совершенно необычно для классического исполнения былин.

Также с большим увлечением и чрезвычайно живо и колоритно передавал Кудров прозой песню об Иване Грозном. Имя Малюты Скуратова он вспомнил лишь после окончания рассказа, прибавив: «Вот он, этот окаянный–то!».

В общем К. С. Кудров несомненно в свое время, как исполнитель, обладал большим артистическим дарованием, и приходится пожалеть, что застали его уже в период угасания его памяти, знания и искусства.

ДВА БРАТА, ДВА ЛИВАКА

- На па́нове было на ула́нове
Жили были два брата, два лива́ка,
Королевских два племянника,
Воспрого́ворят два брата,
5 Два королевских да племянника:
«Ах ты, наш дядюшка король Чимбал,
Король земли Литовския,
Дай–ка нам прощеньице и благословеньице,
Дай–ка нам силы сорок тысячей,
10 Силы сорок тысячей да казны сто тысячей,
Поедем мы на святую Русь,
Ко князю Роману Дмитричу,
Ко князю Роману Дмитривичу на почестен пир».
Да спроговорил Чимбал король,
15 Чимбал король земли Литовския:
«Не дам я вам прощеньице,
Не дам я вам благословеньице.
Не дам я вам силы сорок тысячей,
Не дам я вам казны сто тысячей
20 Ехать вам на святую Русь
Ко князю Роману Дмитричу,
Ко князю Роману Дмитричу на почестен пир,
А дам я вам прощеньице, дам вам благословеньице
Ехать–ка вам во ту́ю землю,
316
- 25 Во ту́ю землю во Ливо́нскую,
Ко тому городу ко Красному,
Ко тому селу ко Высокому,
Там до́бры молодцы по спальням залежались,
Цвётно пла́тьице по вышкам залежалось,
30 До́бры конюшки по сто́йлам застоялись,
Золота́ казна по погребáм запáсена».
И тут–то два брата, два ливака,
Королевская два племянника,

Королевская два племянника разъезд делали,
35 И получили оне́ добрых молодцев
По спальням засыпавшихся,
Получили оне́ добрых конюшек
По стойлам застоявшихся
И получили оне́ цвѣтно платье
40 По вышкам залежалося.
На той ли на великой на радости
Выезжали онн во чисто полюшко,
Раздѣрнули они шатры полотніныи,
И онн начали ести и пити и веселитеся,
45 Оне́ веселитеся и прохлаждатися.
На той ли на великой на радости
Выговаривали они таковы слова:
«Чтобы съездить нам на святую Русь
Ко князю Роману Дмитривичу,
50 Ко князю Роману Дмитриевичу, на почестен пир».¹
Взяли оне́ силушку хоробрую
И ехали оне́ на святую Русь
Ко князю Роману Дмитриевичу.
Приехали они ко первому селу Переславьскому
55 В том–те селе было три церкви, три соборных,
Те оне́ церкви огнѣм сожгли,
Чѣрных мужичков повырубили,

И ехали они ко второму селу,
Ко второму селу Карачарову,
60 В том–то селе было шесть церквей,
Шесть церквей было́ соборных.
Те оне церкви огнѣм сожгли,
Чѣрных мужичков повырубили.
И ехали они ко трѣтьему селу,
65 Ко трѣтьему селу ко Красному,
В том–то селе было девять церквей,

317

¹ Вариант стихов 48–50:

«Съездить нам на почѣстен пир
Ко князю Роману Дмитриевичу».
И делают онч скоро отъезд.

- Те оне церкви огнём сожгли,
Чёрных мужичков они повырубали,
И полонили они полоняночку
- 70 Молодую Настасью да Дмитриевну
Со тым–то младенцем со двухмесячным.
Выезжали они во далёче–далечё во чисто поле,
Раздёрнули шатры полотнины,
Они начали есть, пить и веселитесь,
75 Веселитесь и прохлаждатися.
А в то время во ту пору
Не было князя Романа Дмитриевича,
Дома не случилось, при доме не случилося,
Уезжал–то князь во далёче–далечё во чистое поле,
80 Был–то князь да за охотою,
Был–то князь да за утехою.
Опочивыл князь во бёлом шатре крёпким сном,
В то время в ту пору прилетела птичка со шиста поля
Ко белу шатру князя Романа Дмитриевича,
85 Стала пезну петь, приговаривать:
«А ты, князь Роман да Дмитриевич,
Не ведаешь ты над собой невзгодушки,
Беды неминуемой:¹
Приехали два брата, два ливака,
90 Разорили оне три церкви три соборных,
Чёрных мужичков повырубали,
Ехали ко второму селу Карачарову,
И было в том селе шесть церквей,
Те оне церкви огнём сожгли,
95 Чёрных мужичков повырубали.
И ехали оне ко третьему селу ко Красному
И было в том селе девять церквей,
Те оне церкви огнём сожгли,
Чёрных мужичков повырубали».
100 Вставал он на развыи ноженьки,¹

¹ Вариант стиха 88:

Спишь ты, князь, и не пробудишься.

¹ Вариант стиха 100:

- Выговорил ли таково́ сло́во дерзкие,
Брал он ножище–кинжалище,
Бросал он на кирпичный пол,²
И выговаривал он таково слово:
- 105 «Ах ты тварь, ты тварь, ты поганая,
Не должна ты, тварь, над мною смеяться,
Я хочу с тобой, тварь, да управляться».
Выходил–то князь во чисто́ полё,
Оборотился он в серово во́л(о)ка,
- 110 Прибегал он князь ко конюшенке,
У лошадушек глодочки повыкусал,
У добрых молодцев в ружьях замочки повывертел.
Обернулся князь тонким белым горносталиком,
Забегал он во белые шатры,
- 115 В тых–то белых шатра́х
Увидали его да белова горносталика,
Стали шубой приокидовать,
Он из шубы в то́нкий ру́кав,
Из шатра выбегал в чисто́ поле.
- 120 Оборотился в чорнова ворона,
Прилетел ко реке ко Смородине,
Набирал он силу богатую,
И кричал он своей силушке хорóброей:
«Приходите ко реке ко Смородине, силушка хоробрая,
- 125 Режьте же́ребья вы липовы,

319

- И бросайте вы на реку Смородину
(*Бумаги тогда не было, липовы не тонут*),
Которые же́ребья поводи́ воды плывут,
Тая силушка здрава будеть,
Которые жнребья вслед воды пловуть,
- 130 Та́е сила будет ра́нена,
А которые же́ребья ко дну пойдуть
(*Значит утóнуть*),
Та́я сила будет побитая».

Тут–то князь Роман Дмитриевич ото сна он пробуждается.

² Вариант стихов 102–103:

Бросает он кинжалище о кирпичен пол, о дубовый стол.

Выбрал тут из тех трёх сортов силушку великую.
(Уж он обернулся вновь князем),
И с той силушкой он пришол
135 Ко шатрам да к полотніным
И ко братьям, ко ливакам,
Королевским двум племянникам.
Он-то взял их князь Роман Дмитриевич,
Двух братьев, двух ливаков,
140 Королевских двух племянников,
И приказал-то он одному глаза выкопать,
А приказал-то он другому ноги повредить,
И спустил он двух братьев, двух ливаков в чистое поле
К своему королю ко литовскому.
145 Два брата, два ливака шли по дороженьки,
Слепой несет хромова,
Рассказали оне свой проезд.
— «Ах вы два брата, два ливака,
Я сказал-то вам, не езжайте вы на святую Русь
150 Ко князю Роману Дмитриевичу.
Кто на Русь ни еживал,
Тот с Руси счастлив не выезживал».
(Потому всякий был покорен, получил победу).

ОБ ИВАНЕ ГРОЗНОМ

Царь Иван Васильевич, в его царствовáние случились такие дела. Имел при себе единственного сына царевича, который должен

320

обучившись принять престол от своего отца и своё царство. И потом у них во время их житья–царствования царь Иван сóбрал бал сделал и созвал всех вельможей, бояр на бал, и на том балу и сын был. И тут был любимец Ивану царю, который всегда при нем служил и увеселял государя. Потом государь Иван Грозный встал на ноги за столом и выговаривал таково́ слово: «Гой еси, я Иван–осударь, говорит, вывел изменушку из Казани и из Рязани и из Новá–города. Повыведу изменушку из каменнóй Москвы. Этот любимец говорит: «Не вывести, Иван–царь, тебе, хотя ты вывел измену из Казани и из Рязани и из Новá–города, но не вывести тебе изменушку из каменнóй белóй Москвы. А изменушка, говорит, сидит против тебя и хочет против тебя супротивиться». Он своего единственного сына осудил на виселицу за это тут же на балу. Ну потом он своего сына отправил на Поганую лужу и на Житное болотище. Ено туда и свезли.

А по ту пору и по то время князя Романа Дмитрича при доме не случилось, который был крёстный отец, восприемник, значит, царского сына. В ты часы и в ты минуты вдруг Роман Дмитрич князь со своёй хороброёй силой является во дворец свой. Ему вестовой (*дежурный, значит*) предъявляет: «Твоего любимого крестника отправили на Поганую лужу, на Житное болотище». Ну и вдруг Роман Дмитрич приказал коня своего оседлать, и хоробрую свою дружину, сам сел на коня и хороброй дружине приказал ехать вслед на Поганую лужу и на Житное болотище. В момент они приехали, где крестник его на духу слушает (*последнее слово священник читает, сейчас его повесят*). Скоро приказал своего крестника от столба снять, на место любимца царского полóжить. И потом он оборотился со своей дружиной и со своим крестником во дворец.

В утри рано пошел звон по всем церквам Москвы. Иван–царь приказал служить по любимом сыне панихиду и потом к этому колокольному звону по приказу великии и малыи люди собирались в соборную церковь для поминовения сына Ивана Грозного, по траурному правилу в чёрных платьях. А князь Роман Дмитрич что ни лучшие цвётные платья надевал на себе и Дружине своей приказал так. И пришел в святую соборную

церковь для поминовения царского сына. Царь, осмотрев князя в цветном платье и дружину его, опечалился и высказал слово: «Ох ты гой еси, князи Роман Дмитриевич! Что ты надо мной смеешься? Сегодня оделся ты в цветное платье и не хочешь принять траур». Микита Романыч князь: «Гой еси, царь Иван, не печалуйся. Хочешь ли ты сына своего видеть в живых?». Он говорит: «Как не хочу я сына своего видеть в живых? Если бы кто моего сына представил сейчас в живых, я много того бы наградил, дал бы полцарства, золота и серебра и скачного жемчугу». Микита Романыч: «Гой еси, царь Иван Васильевич Грозный! Не надо мне не чинов, не дворянства, ни золота, ни серебра, ни скачного жемчугу и не полцарства твоего. Прошу тебя только, сделай Микитину вотчину кругом на шестьдесят вёрст. Если который человек будет под суд или который какие проказы сделал, тот человек должен за эту цепь пасть в Микитину отчину, тот прощон во всех его проступках».

Ну вот значит эта история тем кончилась, что название было у Москвы Микитина отчина — спасение от наказаний.